

МИХАИЛ
НИКИТИН

БАЙКИ

ОТ МИШЕЛЯ

16+

Михаил Анатольевич Никитин

Байки от Мишеля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63259412

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99922-0

Аннотация

Эта книга предназначена для развлекательного чтения. Она состоит из баек, написанных автором на основе личных воспоминаний и рассказов друзей, содержавших элементы курьеза или смешных житейских эпизодов. Хронология и география баек охватывает практически всю сознательную жизнь автора и его личную Ойкумену, простирающуюся от Балтики до Черного моря. Значительное место в книге занимают байки Калининграда, Смоленска и Москвы – городов, подаривших автору массу встреч с интересными и оригинальными людьми – реальными героями баек.

Михаил Никитин

Байки от Мишеля

Как напугать девушку

Заседание правления писательской организации приморского города N закончилось в 17 часов. Большая часть участников разошлась по домам, и в офисе осталось пять человек во главе с Председателем правления, известным в Советском Союзе писателем-маринистом. Он и предложил соратникам по перу распить бутылочку марочного грузинского коньяка «ОС». Сто граммов благородного напитка практически не оказали алкогольного воздействия на писателей, но пробудили в некоторых из них вполне понятный аппетит.

– А не пойти ли нам в ресторан перекусить? – предложил коллегам Поэт.

Коллеги с пониманием отреагировало на вопрос Поэта, и через пять минут вся честная компания направилась в ресторан «Чайка», который находился в самом центре города недалеко от правления. Этот ресторан пользовался большой популярностью у мореманов и местных девиц из-за удобства местоположения, хорошей кухни, приличного оркестра, большой танцевальной площадки и атмосферы всеобщей

раскрепощенности, которую искусно поддерживали разбитые официантки.

Председатель правления писателей был на короткой ноге с директором ресторана. Его телефонного звонка было достаточно, чтобы для писателей накрыли стол в банкетном зале и сервировали его в соответствии с их пожеланиями. К прибытию писательской компании в ресторан, все было готово для хорошего ужина. На столе, убранной чистой белой скатертью, красовался армянский коньяк, глаз приятно радовали разнообразные ассорти из холодного мяса и рыбы, фирменные салаты и фрукты в большой вазе. Не теряя времени, писатели приступили к вечерней трапезе. Как заведено в таких случаях, пошли тосты: за союз писателей, за творческие достижения, за тех кто в море, за женщин... Через два часа застолья компания уже была хорошо разогрета и возбуждена. Этому способствовал не только выпивка, но и сама атмосфера ресторана, которая с каждой минутой становилось все более и более разгульной. Алкоголь, громкая музыка, быстрые танцы, горящие глаза, случайные и намеренные прикосновения тел превратили ресторан в территорию Рио-де-Жанейро, а посетителей в настоящих бразильцев. Эта трансформация не прошла мимо писателей. Вначале самые молодые из них – поэт и очеркист нашли себе девиц и пустились с ними в пляс. Потом и старики, включая самого старшего из них – Председателя, показали, что и у них есть

еще порох в пороховнице и обрели себе партнерш для быстрых фокстротов и медленных танго. К 22 вечера вся пятерка успешно решила вечную проблему полов, и за большим столом банкетного зала удобно расположилось десять человек, объединенных хмельным и жадной развлечений. Веселье продолжилось с новым размахом. Дамам заказали шампанское и хорошее крымское вино, которое они пили большими бокалами, словно минеральную воду. Мужчины с новым воодушевлением взялись за коньяк.

Шумное застолье продолжалось до часа ночи, хотя ресторан закрывался в 11 часов вечера. Ко времени завершения импровизированного праздника, все пары банкетного зала уже договорились о том, как они будут продолжать свое знакомство дальше. Сильно захмелевшая партнерша Председателя, приятная с виду блондинка лет 30, предложила ему поехать к ней на квартиру. Он, не раздумывая, согласился, прикупил на дорогу у официантки бутылку коньяка и коробку конфет, нашел такси и покатил с новой подругой к ее дому. Что было дальше, Председатель помнил плохо. Только несколько разрозненных фрагментов остались в его памяти от пребывания в квартире блондинки. Он помнил, что пил с блондинкой коньяк, помнил, что читал ей какие-то стихи, помнил, что лег с ней в постель. Но вот чего-либо другого, он вспомнить не мог.

Где-то в 4 часа ночи Председатель проснулся. За окном было еще темно. Голая блондинка спала мертвецким сном, никак не реагируя на его пробуждение. Председатель поднялся, включил свет, с трудом нашел свою одежду, разбросанную по полу, кое-как оделся и по-английски, не прощаясь, покинул спящую хозяйку квартиры. Город спал. Такси найти удалось не сразу. Только через полчаса Председателю удалось тормознуть машину и доехать до дома. Стараясь не шуметь, он открыл входную дверь, разделся и прошел в свой кабинет. Жена отреагировала на его явление сварливой репликой из спальни, но не вышла, чтобы встретить своего блудного мужа. За долгие годы совместной жизни она привыкла к таким поздним возвращениям супруга и воспринимала их как вполне естественные вещи. Оказавшись в своем кабинете, Председатель почувствовал непреодолимую сонливость и как подрубленный, в брюках и рубашке, рухнул на диван.

Проснулся он в 9 часов утра. Жены не было дома. Она ушла, чтобы отвести первоклассницу-внучку, которая жила недалеко от них, в школу. Это несколько приободрило Председателя. У него появилась возможность спокойно привести себя в норму без назойливых нравоучений жены. Первым делом он направился в ванную, чтобы почистить зубы и побриться. Обильно покрыв ворсинки зубной щетки порошком, он открыл свой рот для чистки зубов и оторопел от

неожиданности. Там, вместо искусственных зубов на протезах он увидел обнаженные десна и покрытый беловатым налетом язык. Зубные протезы исчезли, словно их слизала корова.

Когда первый шок от увиденной картины прошел, Председатель стал лихорадочно соображать, где он мог оставить свои протезы. Память в этом деле ему была не помощник — он почти ничего не помнил из того, что произошло с ним, начиная с 23 часов минувшего вечера. Тогда он попытался восстановить последовательность событий минувшего сабантуя и прикинуть, где мог потерять свои челюсти. Ресторан отмел сразу. Коллеги и девицы непременно обратили бы внимание на его беззубый рот, и, шутя или притворно ужасаясь, сказали бы ему об этом. Также было маловероятно, что протезы он обронил в такси. Почти новые, они крепко сидели во рту как незрелые семечки в подсолнухе, и извлечь их наружу можно было только с помощью пальцев. Извлекать же их в авто не было никакого резона, тем более что рядом сидела молодая женщина, с которой было гораздо приятнее целоваться, чем лазить пальцами себе в рот. Исключив ресторан и такси, Председатель сузил до предела географию поиска своих протезов. Этим пределом была квартира блондинки. Два обстоятельства могли способствовать тому, что именно на квартире блондинки он забыл свои протезы. Во-первых, по приезду на квартиру он уже был крепко пьян; во-

вторых, оказавшись у блондинки, он мог расслабиться, почувствовав почти домашнюю обстановку.

Кто пользуется зубными протезами, знает, сколько с ними связано мороки и обузы. Чтобы протезы служили надежно и долго, их нужно заказать и изготовить, подогнать под форму челюсти и поносить какое-то время, чтобы зубы хорошо встали. Все это требует значительных средств, времени и нервов. По этой причине потеря протезов для их владельцев всегда ЧП, во всяком случае, семейного масштаба. В истории с Председателем это было ЧП уже регионального масштаба: он был официальным лицом солидной писательской организации и его внешний вид, хотел он того или нет, олицетворял респект всей писательской братии. Советские писатели по своему предназначению должны были быть зубастыми в прямом и переносном смысле, а их политический вожак должен был быть зубастым тем более.

В случае с протезами Председателя, ситуация осложнялась еще тем, что на ближайшее время у него были запланированы несколько важных мероприятий и встреч, включая визит к первому секретарю Обкома партии. И на всех этих мероприятиях и встречах он должен был быть при полном параде и, конечно же, при зубах. Это означало только одно: он должен был разыскать свои протезы, во что бы то ни стало, используя все имеющиеся у него возможности.

Более или менее определив возможное место нахождения своих протезов, Председатель только на один шаг приблизился к своей заветной цели. Квартиру блондинки еще надо было найти. И вот здесь дело обстояло швах. Он не знал ни точного адреса проживания блондинки, ни ее фамилии. Все что он знал о своей новой подруге, сводилось к следующему: зовут Валерией, около 30 лет, работает продавщицей в каком-то магазине, живет в районе Главпочтамта. Как говорится не густо, но для розыска уже достаточно.

В Советском Союзе частного сыска не было. Зато был неплохой милицейский сыск, услугами которого и решил воспользоваться Председатель. Благо дело он хорошо знал подполковника Растворова – замначальника городского отдела УВД. Не мешкая, Председатель позвонил Растворову и рассказал ему о постигшей его беде. Тот внимательно выслушал рассказ писателя и в конце его рассмеялся в трубку:

– Да, в веселую историю ты попал, дружище. Расскажи кому, не поверят. Мне понятно: пошел в кабак, выпил, захмелел, снял девицу, поехал к ней на квартиру. Но, на кой хрен, челюсть свою изо рта при виде голой бабы вынимать надо было? Ты, что забоялся, что загрызешь ее от избытка страсти.

– Послушай, мне не до шуток. Если можешь помочь, помоги. – С обидой сказал, и без того расстроенный, Председатель.

– Ладно, не отчаивайся. Что-нибудь придумаем. Жди моего звонка дома.

Через три часа Растворов позвонил Председателю.

– Хочу обрадовать тебя – мы нашли твою блондинку. Приезжай ко мне, поедem вместе к ней за твоей челюстью.

Окрыленный радостной вестью Председатель мигом собрался, сел в свою «Волгу» и через десять минут был в городском отделении милиции. Растворов вышел из здания, сел в машину писателя и они вдвоем поехали на квартиру Валерии Колесниковой, так, оказывается, звали блондинку. Она оказалась дома, не возражая, открыла дверь и впустила Председателя и Подполковника.

– Какие люди?! Сам знаменитый писатель собственной персоной! Чем могу быть полезной, господа-товарищи?

– Валерия, мы к тебе по частному делу. Мой друг, похоже, оставил у тебя свои зубные протезы. Ты не видела их? – Объяснил суть визита Подполковник.

– Как же не видела!? Только и делаю, что с утра ими люблюсь. Вон они, красавцы, на кухонном столе лежат.

И, действительно, на кухонном столе впритык со стенкой лежали целехонькие зубные протезы Председателя. В порыве нахлынувшей радости тот обнял Валерию и крепко поцеловал ее в губы.

– Ночью бы так целовал, а то свалил, даже не попрощавшись! – Бросила реплику, ехидно улыбаясь, Валерия.

Перед уходом Подполковник как настоящий профессионал решил до конца разобраться в нелепой ситуации с протезами Председателя и спросил хозяйку квартиры:

– Может быть, ты объяснишь нам, почему мой друг вынул свои челюсти у тебя на кухне?

– Конечно, объясню. Когда мы пили коньяк на кухне, писатель, ни с того, ни с чего, сказал мне: хочешь, я тебя напугаю.

– Напугай, если хочешь, ответила я.

После этого он вынул свои челюсти, стал лязгать зубами у меня перед носом и говорить, что съест меня с потрохами.

– Ну, и как, ты сильно испугалась? – Улыбаясь, спросил Подполковник.

– А как же! Я тут же с испуга забралась под одеяло.

– Ты правильно поступила, Валерия. Под одеялом женщина может справиться с любым мужчиной.

Когда Председатель и Подполковник покидали квартиру Валерии, та спросила у них:

– А как вы меня нашли? Ведь я не давала своего адреса писателю.

– Высчитали! – Ответил ей Подполковник.

Челюсти за бортом

Эта история произошла в семидесятые годы прошлого века в одном из портов Италии, куда под загрузку зашло советское транспортное судно. Капитаном на этом судне был шестидесятилетний морской волк – Сергей Иванович К., испытывавший в своей жизни немало передряг и лишений. В 36 году, его, тогда молодого морского офицера, осудили по трем частям 58 статьи УК на 10 лет лагерей плюс 10 лет поражения в правах и пустили по этапам и зонам нашей необъятной Родины. Крепкое здоровье и жизненный оптимизм, которы-

ми одарили его в избытке родители, помогли Сергею Ивановичу выжить в нечеловеческих условиях Воркуты и Калымы и в мае 53 года выйти на свободу практически без зубов, но с твердой уверенностью в том, что настоящая жизнь впереди.

Страна, в которой после семнадцатилетнего перерыва вновь оказался Сергей Иванович, залечивала жестокие раны, оставленные Великой Отечественной Войной. Не хватало всего: хлеба, мяса, одежды, обуви, дерева, металла, техники. Но больше всего не хватало квалифицированных и грамотных людей, которые как воздух нужны были, для того чтобы поднять дотла разрушенное войной народное хозяйство и наладить нормальную жизнь. Видимо, по этой причине, бывший зек – Сергей Иванович получил работу по своей институтской специальности и стал ходить в море, сначала рядовым специалистом, а затем в должности капитана большого транспортника.

Долгие годы заключений не только закалили характер Сергея Ивановича, но и выработали в нем устойчивый императив доверительного отношения с людьми, вынужденных жить и работать в условиях ограниченной свободы. Поэтому на своем судне Сергей Иванович культивировал атмосферу взаимоуважения, правового равенства и профессионализма.

Членам команды такой подход был по душе и «старики», не один год ходившие с ним в море, относились к капитану

как своему второму отцу.

Это небольшое отступление от темы рассказа понадобилось, чтобы читатель мог лучше понять психологию ситуации, которая сложилась однажды утром на советском транспортнике, стоящем в итальянском порту под погрузкой оливкового масла. Предшествующим вечером Сергей Иванович принимал у себя в гостях делегацию итальянских коммунистов. В те годы такие встречи посланцев страны Советов с представителями братских компартий были обыденным явлением. Как правило, они проходили по одному сценарию. Вначале происходил обмен информацией о положении дел в странах и в партиях, затем шла дискуссия о будущем мировой социалистической системы и коммунистического движения и, наконец, устраивался дружеский ужин в каюте капитана.

Первые два вопроса описываемой встречи прошли строго по регламенту. Дружеский же ужин идейных соратников затянулся до поздней ночи и сопровождался обильным воздействием русской водки и итальянской граппы. Тосты «За победу коммунизма» и «За мировой пролетариат» звучали на русском и итальянском языках так часто, что участники встречи крепко накачались, и Сергею Ивановичу пришлось призвать на помощь матросов, чтобы спустить итальянских коммрадов на берег и рассадить их по машинам. Сам он

тоже чувствовал себя не лучшим образом, хотя российская закалка позволяла ему уверенно держаться на ногах и давать необходимые распоряжения по эвакуации итальянских товарищей.

По настоящему степень своего опьянения Сергей Иванович почувствовал только утром, когда по давней привычке проснулся рано и встал на ноги. Нутро мутило как при настоящей морской болезни, голова была тяжелой и недееспособной, а обезвоженный спиртным организм настоятельно требовал влаги, чтобы утолить непривычную жажду и разжижить спиртной концентрат, в который превратилась кровь.

Рассеянным взглядом Сергей Иванович осмотрел большой стол, на котором стояла неубранная с ночи посуда, подошел к нему и взял в руку первый попавшийся стакан, наполненный до краев какой-то мутной смесью. С этим стаканом он направился к открытому окну каюты и привычным движением руки выплеснул его содержимое за борт. Когда струя мутной жидкости по параболической дуге устремилась вниз, он заметил, как вместе с ней в море нырнуло нечто розоватого цвета. Не придав этому никакого значения, Сергей Иванович, вернулся к столу, нашел там бутылку с минералкой и залпом выпил два стакана воды. Легче не стало, хотя языку уже мог проворачиваться во рту. Сделав десяток легких гимнастических упражнений, Сергей Иванович пошел в

ванную комнату, принял холодный душ, чуть-чуть приободрился и собрался вставить зубные протезы на давно обжитое ими место. Обычно на ночь он вынимал их изо рта и помещал в стакан, который стоял на тумбочке возле кровати. На этот раз на нужном месте ни стакана, ни протезов не оказалось. Он поочередно осмотрел все комнаты своей капитанской каюты, особенно внимательно столы и тумбочки, но нигде свои «челюсти» не обнаружил. Их не было ни на столах, ни под столами, ни под стульями, ни под кроватью, ни под диваном. Их вообще не было в капитанской каюте.

По мере того, как надежда найти протезы улетучивалась, страх оказаться в роли беззубого капитана становился все сильнее и сильнее. Этот страх и отрезвил Сергей Ивановича. Протрезвевший ум быстро восстановил в памяти сценку со стаканом, и Сергей Ивановичу стало ясно, что розоватое нечто, выплеснутое им вместе с мутной смесью из стакана, было ничем иным как его протезами. От осознания этого Сергея Ивановича бросило в дрожь. Да и было отчего. Ему предстояло еще больше месяца провести в море, сделать два новых захода в иностранные порты под погрузку и постоянно общаться посредством своего беззубого рта с разными людьми: лоцманами, представителями портовых служб и фирм, членами своей команды. То, что зубы нужны были еще и для еды, капитана в тот момент заботило меньше всего.

Несколько минут Сергей Иванович лихорадочно думал о том, как с честью выйти из сложившегося положения. Срочно вызвал к себе для мозгового штурма первого помощника. Тот, собственно, и подсказал нужное решение: обратиться к итальянскому дантисту. Судну предстояло стоять в порту еще три дня, и за это время вполне можно было успеть сделать новые протезы. Сергей Иванович принял идею, созвонился с переводчиком и вместе с ним выехал на поиски дантиста. Нашли его они достаточно быстро. Разговор с дантистом вначале обрадовал.

– Никаких проблем, синьоры, – сказал он, – я сделаю прекрасные протезы из самых современных материалов за два дня.

Но затем дантист озвучил цифру, которая повергла Сергея Ивановича в глубокую печаль. Стоимость своей работы синьор протезист оценил в сумму равную всей наличной валюты, которая была в распоряжении капитана и предназначалась для выдачи членам команды при выходе их на берег, а также представительских расходов самого капитана. Когда Сергей Иванович попытался сбить цену на челюсти, синьор протезист жестко дал понять, что торг не уместен. Поблагодарив итальянца и сказав ему, что он, возможно, приедет через пару часов для оформления заказа, Сергей Иванович отправился к себе на судно. Решение задачи возникло у него в голове, когда он возвращался на транспортник.

Приехав на судно, Сергей Иванович объявил полундру и, когда весь экипаж выстроился на палубе, обратился к ним с такими словами:

– Сынки, я всегда говорил вам, что вы не должны смотреть в рот своему начальству. Сейчас я хочу отступить от своих слов и попрошу вас посмотреть мне в рот. Что вы там видите?

Капитан широко раскрыл свой рот, и члены экипажа увидели его беззубый зев. Последовала недолгая пауза, которую прервал голос штурмана.

– Сергей Иванович, у вас нет зубов!?

– Да, сынки, у меня нет зубов. Сегодня утром я случайно отправил их за борт ловить рыбу. И они, окаянные, не хотят возвращаться на место. Видно, им приглянулась хваленая западная свобода.

Раздался веселый смех, и лица многих членов команды оживились. Почувствовав разрядку среди подчиненных, Сергей Иванович продолжил.

– Сынки, я обратился сегодня к итальянскому дантисту

с просьбой сделать мне протезы за пару дней. Он согласился выполнить заказ, но потребовал оплату, почти равную валюте, которая имеется у меня в распоряжении. Это, прежде всего, ваши береговые деньги. У меня к вам большая просьба: разрешите мне оплатить работу дантиста из этих средств. По приходу домой я сполна рассчитаюсь с вами. Выручите вашего капитана. Не дайте испытать позор при общении с иностранцами.

Сергей Иванович предполагал, что после его обращения среди членов экипажа может возникнуть дискуссия по поводу его просьбы, хотя был уверен в том, что большинство поддержит ее. Однако то, что произошло на самом деле, до глубины души растрогало его. Не сговариваясь и не споря, все члены экипажа в один глосс решили отдать ему свои береговые на изготовление зубных протезов. Общее мнение экипажа эмоционально выразил молодой механик Владимир, лишь второй раз, вышедший вместе с капитаном в море:

– Капитан, о чем вы просите!?! Делайте, так как считаете нужным. Мы обойдемся без махера, колготок, грюндигов, джинсов и жвачки. А вам зубы нужнее!

С трудом сдерживая слезы, Сергей Иванович, подошел к своим сынкам, по-отцовски обнял каждого и сказал им простое, но много значащее слово – спасибо. Через два дня им-

портные протезы были готовы, и Сергей Иванович, забыв о своей недавней беззубости, мог говорить и улыбаться во весь рот. Он мог улыбаться как голливудский актер, но не делал этого – жизнь не приучила его к улыбкам. Вечером того же дня Сергей Иванович накрыл праздничный стол для своего экипажа, и его сынки впервые узнали, как их капитан лишился своих зубов.

Лещ рыба опасная

Дружеская пирушка была в разгаре. Гости оживленно общались друг с другом и с удовольствием поглощали напитки и еду. Хозяин застолья Львович в приподнятом настроении ухаживал за гостями: разливал алкоголь, подкладывал закуску, менял посуду, не упуская при этом возможность поучаствовать в общем разговоре: вставить уместную реплику или смешной анекдот, большим знатоком которых он был. Ему, 70-летнему уроженцу Северного Кавказа, вынужденно покинувшему свою родину в начале девяностых годов, такие посиделки всегда были в радость. Они скрашивали его холостяцкий быт и частично возвращали ощущение полноты жизни, которой он наслаждался в недавнем прошлом.

Среди разнообразной снеди, которой Львович потчевал своих гостей, были запеченные лещи. Чтобы приготовить их, Львович сходил на рынок и выбрал самых свежих и жирных рыбешек. По рецепту, который ему когда-то передала мать, он запек их в духовке и выставил на стол, когда гости неплохо

заморили червячка.

Запеченные лещи рыба вкусная, но опасная. Сотни мелких косточек пронизывают его тело, особенно в области спинного плавника, там, где самое нежное и вкусное мясо. Попадая в горло, эти косточки впиваются в плоть как пиявки и застревают накрепко, вызывая неприятное покалывание и боль. По этой причине леща вкушать нужно очень осторожно, не торопясь и по возможности молча. Поедание леща – это, по сути, особый ритуал, в котором молчание залог хорошего настроения и здоровья. Главной заповедью этого ритуала – вкушай леща молча, и пренебрег хозяин застолья, увлеченный ролью тамады и разговорами с друзьями. Расплата не заставила себя ждать. Острая как иголка косточка, пользуясь его невниманием, проскользнула в горло и застряла в его глубине. Кто сталкивался с подобной проблемой, знает какая это напасть: кость сидит в горле и не дает нормально есть, пить, разговаривать и, главное, хорошо себя чувствовать. Это по существу изощренная китайская пытка, только в Китае человека в прошлые века истязали бамбуком, а в данном случае орудием пытки была небольшая хрупкая косточка.

Поначалу Львович решил, что без труда отделается от назойливой косточки. Легким покашливанием он попытался извлечь ее из горла, но костяная заноза проигнорировала его деликатные попытки и осталась сидеть на облюбованном

ей месте. Ситуация оказалась мене безобидной, чем показалось вначале. Поняв, что легким откашливанием кость не извлечь, Львович вышел на балкон, чтобы более решительным кашлем освободиться от настырной занозы в горле. Кашлять ему пришлось сильнее и сильнее, так как кость не реагировала на его потуги. Стараясь добиться своей цели, Львович стал надрывать свои легкие и горло на пределе своих физических возможностей. Амплитуда и частота колебаний его головы при вынужденном кашле приняли такие размеры, что зубные протезы, до этого крепко сидевшие в его рту, не удержались на челюсти, выскочили из открытого рта и полетели вниз с 7-ого этажа.

Все было бы ничего, если бы под балконом Львовича не располагалась площадка с мусорным контейнером, в который по закону подлости, точно попали выпавшие изо рта протезы. Неожиданный оборот дела заставил Львовича забыть о застрявшей в его горле косточке и мгновенно принять приемлемое в сложившейся ситуации решение: спуститься вниз, пройти к контейнеру, найти в нем свои протезы и вернуть их после стерилизации на насиженное годами место. Задача была вполне решаемой, так как протезы, скорее всего, лежали поверх мусора, и найти их там не составило бы труда. Ничего не сказав своим гостям о постигшей его беде, а потеря протезов всегда беда для владельцев, Львович вышел из квартиры и направился к лифту. Сразу вызвать лифт не

удалось. Как назло его постоянно перехватывали жильцы с других этажей. В результате спуститься на первый этаж удалось минут через пять.

От дверей подъезда до площадки с контейнером, которая располагалась за углом, было метров 120. Казалось бы пустяк. Но для семидесятилетнего человека, страдающего хромотой, это уже значительное расстояние, требующее минимум трех минут на прохождение. В итоге всех задержек Львович обогнул угол здания, за которым находился контейнер, минут через восемь, после того как покинул квартиру. Эти восемь минут оказались для челюстей Львовича критическими. Пока он ждал лифт, спускался на нем вниз, ковылял к площадке с контейнером, на площадку для очистки контейнера заехал мусоровоз. Водителю мусоровоза потребовалось несколько минут, чтобы подцепить контейнер и поднять его в воздух на манипуляторе.

Когда Львович вынырнул из-за угла дома, содержимое контейнера мусорной лавиной низверглось в дурно пахнущее чрево мусоровоза. Вместе с бумагой, пластиком и отходами домашнего быта туда же провалилась челюсти Львовича. Возвратить их на старое место во рту уже было невозможно. Львович молча проводил в последний путь свои протезы, повернулся и расстроенный направился к себе в квартиру, где захмелевшие гости продолжали веселое застолье, ничего

не зная о несчастье, приключившемся с их гостеприимным хозяином. И в этот момент засевшая в горле кость с новой силой напомнила о себе.

Все золото мира

Как настоящий сын немецкого народа Йохан готовился к выезду на свою историческую родину серьезно и обстоятельно. Прежде всего он расспросил всех знакомых, имеющих хоть какой-то опыт общения с Германией, о том, что нужно сделать в Союзе, чтобы потом в Фатерланде не испытывать ненужных проблем и забот. Почти все в один голос заявили, что главное для выезжающих в ФРГ – иметь здоровые зубы, потому как лечение там зубов занятие исключительно дорогое. Кто-то даже сказал, что лечение одного зуба стоит столько, сколько стоит в Союзе подержанный "Жигуленок". Последняя информация привела в легкое уныние Йохана – зубы у него были плохие. Сказывалось нелегкое и голодное детство в степях Казахстана, куда в начале Великой Отечественной войны была сослана его семья.

Поразмышляв над услышанным и взвесив все за и против, Йохан решил вложить в лечение зубов большую часть своих трудовых сбережений и закрыть этим самым зубной вопрос, если не навсегда, то хотя бы на ближайшие годы. К слову сказать, с деньгами у него особых проблем не было. Он работал главным инженером на одном крупном машиностроительном предприятии Казахстана и хорошо зараба-

тывал. Не откладывая дело в долгий ящик, он отправился к знакомому стоматологу и изложил ему свою просьбу.

– Дорогой доктор, сделай так, чтобы в моем новом отечестве я не знал проблем с зубами лет пять. Деньги на капитальный ремонт у меня есть.

– Дружище Йохан, можешь не беспокоиться. Я приведу твои зубы в такой порядок, что немецкие врачи просто ахнут от удивления, – ответил стоматолог и усадил его в лечебное кресло.

Когда стоматолог закончил свою работу, весь рот Йохана был усеян золотыми коронками. В солнечный день эти коронки сияли на солнце как купола российских соборов, а при фотографировании со вспышкой они засвечивали фотопленку так, что на фото зубы Йохана были черными как антрацит. Что было под коронками, знал только врач. На вопрос Йохана об этом он сказал кратко:

– Йохан, там все железобетонно. Я поставил пломбы, которые простоят как пирамиды Египта тысячу лет.

Удовлетворенный ответом, Йохан щедро расплатился со стоматологом и собрался в дальнюю дорогу.

Устроился он на проживание в Западной Германии под Мюнстером. Там уже обитали его родные: отец, мать сестра, которые выехали раньше. Для них и Йохана в ФРГ были созданы вполне благоприятные условия для проживания и адаптации к новой социальной среде. Неожиданным и желанным сюрпризом для них оказались медицинские карты, которые давали право на основное бесплатное медицинское обслуживание: это в советском обществе здоровье ничего не стоило, а в странах капитала оно ценилось дороже золота.

Как положено, при получении своей карты, Йохан прошел полное медицинское обследование. Общение с терапевтом прошло без сюрпризов, а вот визит к стоматологу вылился в маленькую комедию. Стоматолог оказался мужчиной лет пятидесяти, подчеркнуто внимательный и педантичный. Он усадил Йохана в лечебное кресло, внимательно прочел его медицинскую карту и спросил:

– Так Вы их Советского Союза?

– Да, – ответил Йохан.

– Откуда?

– Из Казахстана.

– Это Сибирь?

– Нет, это Средняя Азия. Юго-западнее Сибири.

– Даже не представляю где это. Должно быть далеко?

– Не близко – почти пять тысяч километров от Берлина. Но по российским меркам это пустяк.

– Да, в России все грандиозно. Пространство, расстояния, русская душа. Ну, что ж приступим к осмотру. Откройте, пожалуйста, рот.

Йохан открыл свой рот пошире, чтобы немецкий стоматолог смог увидеть рукотворный шедевр его далекого казахского коллеги во всей красе. Тот посмотрел на одетые в золото челюсти Йохана и не смог сдержать слов удивления, которые прозвучали для Йохана сладкой музыкой.

– Поразительно! Невероятно! Я никогда не видел ничего подобного!

Какое-то время, чуть ли не влезая в рот Йохана, он с неподдельным интересом рассматривал его зубы, потом выпрямился, потер пальцами свой лоб и сказал:

– Поразительная работа! Это должны видеть мои коллеги! С вашего разрешения я приглашу их посмотреть на ваши зубы. Закройте пока рот.

Йохан, естественно, разрешил стоматологу пригласить коллег на осмотр своих "драгоценных" зубов, и, когда врач вышел, предался приятным мыслям. Ему было лестно сознавать, что он поступил в высшей степени благоразумно, занявшись своими зубами в Казахстане.

– Как хорошо, что я привел в порядок свои зубы в Казахстане, – думал он про себя. – Теперь в Фатерланде мне не придется беспокоиться о них, и тратить время и деньги на врачей.

Вскоре стоматолог вернулся в кабинет в компании трех коллег. Вид у всех был самый серьезный. Это еще больше убедило Йохана в правоте слов казахского стоматолога о том, что его работа удивит немецких врачей. Ободренный этим заключением, он приветливо отреагировал на приход гостей и с охотой стал демонстрировать им свои зубы. Теперь уже четверка врачей принялась внимательно рассматривать его зубы и ротовую полость. Первые реплики, которыми обменялись врачи, просто ласкали его слух:

– Это фантастика! Настоящее русское чудо! Все золото мира в одном рту! Никогда не видел ничего подобного. На-

стоящий ювелирный шедевр! Интересно, что спрятано за этим золотым фасадом! Наверное, там тоже пломбы из золота!

Вслед за этими восклицаниями между врачами пошел чисто профессиональный разговор, смысл которого Йохан плохо понимал. Лишь временами он улавливал отдельные слова: бюгель, винир, мост, вкладка. По этой причине он перестал прислушиваться к беседе медиков, безмятежно закрыл глаза и стал ждать окончания консилиума.

Когда изучение шедевров зубного протезирования закончилось, пришедшие врачи любезно поблагодарили Йохана за возможность «близко познакомиться с достижениями советской стоматологии» и удалились. Йохан попытался встать с кресла, но принимающий его врач, попросил его не торопиться.

– Нам предстоит серьезный разговор о ваших зубах, – сказал он.

То, что Йохан услышал дальше, было для него громом среди ясного неба. Ни разу не улыбнувшись, сохраняя все тот же серьезный вид, немецкий стоматолог поведал ему все, что он думает о его зубных протезах и работе советского стоматолога.

– Это каменный век стоматологии: в Германии и Европе уже тридцать лет никто не пользуется такими материалами и технологиями. Я и мои коллеги поражены тем, что увидели у вас во рту. Так с зубами могли обращаться только в Древнем Египте. Это самое настоящее варварство в лечении зубов. . . .

Уже с первыми критическими словами врача Йохан понял истинный смысл эмоциональных восклицаний немецкого стоматолога и его коллег. То, что он принимал за проявление восхищения, было на самом деле проявлением профессионального недоумения. Недоумения настолько сильного, что врачи лишились способности улыбаться при виде курьезного. Вот откуда проистекала их подчеркнутая серьезность, которую Йохан по ошибке принял за выражение пиетета перед советской стоматологией. Разговор с немецким стоматологом вылился для Йохана в долгое и физически малоприятное лечение. По окончании лечения он обрел идеальные искусственные зубы, а его друзья узнали от него занимательную историю про все золото мира в одном рту.

Зуб даю!

Петровичу обычно не хватало денег до очередной полочки и, чтобы выпить, он вынужден был просить деньги в долгу у знакомых. Как правило, люди входили в положение и выручали, так как просил он небольшие суммы и исправно, хотя зачастую и с опозданием, возвращал долги. Поэтому

отказ соседа по лестничной площадке дать пару сотен в долг прозвучал для него неожиданно.

– Не дам я тебе денег Петрович. Надоело от твоей жены упреки выслушивать, что даю деньги на выпивку. Пора бы уgomониться. Тебе уже давно за шестьдесят.

Отказ соседа не остановил Петровича, и он продолжил упрашивать его:

– Ну, выручи, соседка, одолжи. Не машину же прошу. Всего пару сотен.

– Не проси, Петрович, не дам! Достал ты меня уже своими просьбами, – стоял на своем сосед.

– Как родного брата прошу, выручи! Не для себя прошу, для дружков своих. Вчера у Сашки Зарубина день рождения был, выпили по такому случаю прилично, теперь здоровье поправить надо, – продолжал канючить Петрович.

– Сказал тебе, не дам, значит, не дам! – упирался сосед.

– Ну, что тебе стоит пару сотен дать, – не сдавался Петрович. – Хочешь, завтра деньги верну. Зуб даю, что завтра верну!

Сосед внимательно посмотрел на Петровича, прищурил левый глаз и, ухмыльнувшись, сказал:

– Говоришь, зуб даю. Ну, что ж, я согласен. Давай свой зуб как залог.

Ухмылка соседа переросла в самодовольную улыбку. Он был уверен, что поймал Петровича на слове и тому ничего не остается, как ретироваться восвояси без денег. И, действительно, какой человек в здравом уме согласится отдать свой зуб в залог под выпивку.

Первая минута, последовавшая затем, вроде бы подтвердила правоту соседа: Петрович умолк и устался непонимающим взглядом на него. Было видно, что в его мозгу происходит сложный процесс осмысливания, сказанного им самим, и услышанного от соседа. Забыть про зуб и, продолжать просить деньги в долг, было неприлично – мужчина должен отвечать за свои слова, повернуться спиной к соседу и уйти было запахло по отношению к своим собутыльникам и собственным желаниям.

Борьба двух несовместимых мыслей закончилась неожиданным решением. Петрович широко открыл свой рот, взялся указательными и большими пальцами за верхний

ряд зубов и ловко извлек наружу съёмный зубной протез. Затем он насухо вытер протез пальцами правой рукой и протянул его соседу со словами:

– Бери зубы и гони деньги!

Пришло время соседу впасть в ступор. Теперь уже он сам, а не Петрович, оказался заложником слов, так как с формальной стороны Петрович не только выполнил, но и перевыполнил свои обязательства по зубам. Поколебавшись минуту, сосед достал кошелек и выдал Петровичу желанные для него двести рублей. Проникшись сочувствием к беззубому Петровичу, он попытался вернуть ему и челюсть, но тот решительно пресек его благородный порыв:

– Петрович свое слово держит. Оставь челюсть у себя. Отдашь, когда я верну долг.

За своей челюстью Петрович пришел только через четыре дня.

БАЙКИ

КАЛИНИНГРАДСКИЕ

Крашенные яйца

Одной из достопримечательностей Калининграда, доставшейся ему в наследство от Кенигсберга, является монументальная скульптура «Борющиеся зубры». Название скульптуры точно отражает ее сущность: два массивных бронзовых зубра, упершись крутыми лбами и задрав хвосты, жестко выясняют отношения друг с другом на высоком постаменте. Художественная и натуралистическая пластика этой скульптурной группы прекрасно передает напряжение и драматизм схватки двух лесных гигантов, когда-то обитавших в лесах Пруссии. Видимо по этой причине, а также, потому что «Борющиеся зубры» располагалась у здания Земельного и административного суда Восточной Пруссии, скульптурная группа получила у жителей Кенигсберга название «Прокурор и защитник», точно отражающее взаимоотношение между обвинением и защитой в прусском судопроизводстве. В советских судах никакого противоборства обвинения и защиты не было в помине: все составные части советской машины правосудия работали в ярко выраженном обвинительном режиме. В результате прежнее аллегорическое название скульптуры Гипеля не прижилось и ему на смену пришло прозаическое – «Быки».

Слав с 1946 года важным элементом архитектурного облика Калининграда, «Быки» тихо бодались в самом центре города на протяжении 30 лет, не пробуждая особого интереса к себе со стороны калининградцев. Уже само пренебрежительное название «Быки» говорило о том, что к этой скульптуре горожане относятся без должного пиетета. Это отражалось даже в привычках: свидание с любимой девушкой обычно назначалось у памятника Шиллеру, а простая студенческая или дружеская сходка с легкой выпивкой происходила, как правила, у «быков».

Так продолжалось до начала 70-х годов прошлого века, пока неизвестные озорники не привлекли всеобщее внимание горожан к полузабытым «быкам». Именно тогда, то ли в 72, то ли в 73 году, безымянные «миряне» впервые раскрасили красной краской на Пасху яйца борющимся зубрам. Информация об этом мгновенно распространилась по Калининграду и горожане тысячами направились к «Борющимся зубрам», чтобы увидеть новоявленное «чудо». Окрашенные яйца рогатых исполинов привлекали их взоры несколько дней, пока городские власти не спохватились и не ликвидировали следы откровенного хулиганства.

Через год ситуация повторилась. Опять в канун Пасхи неизвестные озорники окрасили мошонки быкам красной краской и опять городские власти в течение нескольких дней не мешали горожанам любоваться очередным пасхальным «подарком». Такое промедление трудно объяснить, так как хорошо известна расторопность советской власти при решении любых вопросов. Возможно, атеисты из руководящих партийных и советских органов считали, что таким образом они борются с церковными обычаями и обрядами.

Однако не все чиновники в партийном и советском аппарате области и города были склонны попустительствовать шутникам-красильщикам. И на самом верху было принято решение положить конец их пасхальным проделкам с окрашиванием яиц «Быков». С этого момента начинается самая занимательная часть новой истории скульптуры «Борющиеся-

ся зубры».

Каждый год в преддверии пасхи к «Быкам» стали выходить на дежурство милицейские наряды. Их задача была предельно простой – воспрепятствовать действиям злоумышленников по раскрашиванию мошонок зубров. Казалось бы – чего проще. Следи за теми, кто крутится в дневное и, особенно, ночное время вокруг памятника культуры и пресекай незаконные действия злоумышленников. Ведь памятник на виду и хорошо освещен. И, тем не менее, воспрепятствовать проказам «красильщиков» не получалось. Каким-то необъяснимым образом они находили возможность незаметно прокрасться к «Быкам» и раскрасить их мошонки. Сказывалась, по-видимому, врожденная способность русских людей вести партизанские действия под самым носом противника. Чуть замешкался противник – партизаны тут как тут. В результате боевой вылазки – железнодорожный состав с вооруженной техникой пущен под откос, а «Быки» обрели новый праздничный прикид.

Наиболее ярким эпизодом противостояние «красильщиков» и милиции стал один апрельский день, когда «красильщики» наждачной бумагой очистили темную краску и патину на мошонках «Быков» и тщательно отполировали их до блеска. На ярком весеннем Солнце отполированные яйца засияли как драгоценные украшения. Вот тогда-то калининградцы и узнали, что собой представляют настоящие, а не сказочные золотые яйца. Смеха в городе было больше, чем

на первое апреля. Не смеялись только в милиции и горсовете. Последовала жесткая команда – закрасить золотые яйца «Быков», найти и наказать хулиганов.

Закрасить, и скрыть свой позор для блюстителей порядка было нетрудно, а вот с поиском хулиганов дело не сладилось. Сразу поймать за руку злоумышленников не получилось, а искать их по оставшимся следам краски на руках или по наводке осведомителей было бесполезно. Как говорится в известной поговорке, не пойман – не вор. А ловить уже было поздно. Пришлось еще на один год отложить разборку с возможными осквернителями памятника культуры.

После случая с полировкой яиц «Борющихся зубров» стали охранять в предпасхальные дни как первых лиц государства. Только голубям и воронам позволялось вступать с «Быками» в непосредственный контакт. Для людей такой контакт был запрещен. Разрешалось только осматривать скульптуру и фотографироваться на ее фоне. Это сразу дало положительный результат. Очередную Пасху «Быки» встретили без окрашенных мошонок. Однако торжество охранителей порядка было недолгим. Как только дежурство милиционеров прекратилось, яйца вновь выкрасили в красный цвет. Так до перестройки и шла с переменным успехом борьба «красильщиков» и «охранителей». Ни одной стороне не удавалось добиться явной победы в противостоянии. Для «красильщиков» такая победа означала бы легализацию яркой раскраски яиц «Быков», для «охранителей порядка» –

неприкосновенность естественного цвета их мошонок.

Перестройка и последующая либерализация экономики и нравов, похоже, склонили чашу весов в сторону «красильщиков». Новые власти Калининграда поняли тщетность своих попыток противостоять партизанским вылазкам «красильщиков» и махнули на их «художества» рукой. Возможно, этому решению способствовало и то, что на смену красному периоду в истории «Быков» пришел зеленый: в последние годы, по только им ведомым причинам, «красильщики» стали использовать для раскраски мошонок «Быков» зеленую краску. В пользу этого предположения говорит личное восприятие автора: зеленый цвет мошонок не так бросается в глаза на фоне серо-зеленой патины скульптуры как большевистский красный. Найденный компромисс между «охранителями» и «красильщиками» позволил Калининграду обрести еще один знаковый для туристов объект внимания, наравне с Кафедральным собором, могилой Канта или Музеем Янтаря. Вот и сейчас, когда пишутся эти строки, «Быки» бодаются друг с другом с позеленевшими от натуги мошонками в сквере возле Калининградского государственного технического университета. Как обычно возле них крутятся с видеотехникой туристы, снимая на память примечательную достопримечательность нашего города. И ничего страшного не происходит. Люди не становятся ни хуже, ни лучше оттого, что видят. Просто улыбаются и обмениваются веселыми репликами. А когда человек улыбается, он хоть немного ста-

новится лучше.

Язва, Фолкленды и КГБ

Советский транспортник проходил мимо Фолклендских островов, когда Капитан почувствовал боль под ложечкой. Вначале боль была легкой, и он подумал, что все обойдется как обычно. Подобное у него уже бывало: хронический гастрит желудка временами давал о себе знать в рейсах, но с помощью таблеток, взятых с собой в море, и диеты Капитану удавалось быстро привести желудок в норму, не посвящая в свои проблемы со здоровьем никого из экипажа. Уверенный в том, что и на этот раз, многократно проверенный метод самолечения поможет, капитан принял пару таблеток и стал ждать, когда боль пройдет, и он сможет спокойно заняться своими делами. Вопреки ожиданиям боль не ослабла, а усилилась, мышцы живота напряглись до предела, тело прошиб холодный пот, во рту стало необычно сухо. Капитану казалось, что в его живот вставлен лом, и им протыкают его кишки. Когда боль стала нестерпимой, Капитан обратился за помощью к старшему помощнику, который в отсутствие на судне врача, выполнял функции медработника. Со слов Капитана и своих собственных медицинских познаний, старпом поставил диагноз – обострение язвенной болезни с возможным осложнением: прободением или кровотечением. Подобный диагноз предписывал срочную госпитализацию больного для стационарного лечения или операции. Ни лечения, ни, тем более, сложной операции на борту

транспортного судна осуществить было невозможно. Ситуация была критической. Судовая инструкция обязывала Капитана в подобных случаях связаться по радио с Базой и получить от нее соответствующие рекомендации. В результате радиообмена было принято решение обратиться за помощью в ближайший порт. Таким портом оказался Порт-Стэнли (Восточный Фолкленд), где располагалась английская военная база.

Англичане оперативно откликнулись на просьбу советского транспортника оказать срочную медицинскую помощь Капитану. Через полчаса над судном завис армейский вертолет, который доставил Капитана в военный госпиталь. Там военные английские медики обстоятельно обследовали больного, провели гастроскопию его желудка (в Советском Союзе подобные процедуры с использованием фиброскопов проводились в то время только в поликлиниках Главного медицинского управления) и подтвердили диагноз старпома: обострение язвенной болезни. Пациенту прописали строгий постельный режим, настолько строгий, что без сопровождения часового, дежурившего у палаты Капитана, он не мог никуда пройти в госпитале. Часовой был выставлен даже под окном палаты, которая располагалась на втором этаже. По всему было видно, что англичане не доверяли больному и опасались, что он выйдет за пределы госпиталя, разузнает секреты военной базы и передаст их аргентинцам. Здесь следует сказать, что описанная история происходила в 1981 го-

ду, ровно за год до того, как разразился аргентино-английский конфликт из-за Фолклендов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.